

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 131–138
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 131–138
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-131-138>, EDN: KDZQKD

Научная статья
УДК 811.161.1'373.612.4

Избыточность лично-возвратного местоимения себя: к вопросу о небанальном грамматическом плеоназме

О. М. Исаченко

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2

Исаченко Оксана Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, isachenkoo@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0002-8185-7956>

Аннотация. В статье рассматривается случай грамматического плеоназма, заключающийся в вербализации приглагольной позиции актанта или локализатора – падежными формами лично-возвратного местоимения *себя*, которые имеют пространственное или субъектно-объектное значения. Данное явление широко распространено в современном узусе, в разных функциональных разновидностях и типах дискурса (публицистическом, политическом, рекламном, разговорном, художественном, педагогическом и научном), в устной и письменной речи, но в терминах «языковая норма» или «речевая ошибка» не осмыслено, хотя данные толковых словарей предписывают запрет на дублирующее употребление местоимения *себя* при определенных глаголах. В статье доказывается дефектность таких сочетаний с опорой на семантический анализ, а также путем грамматической трансформации – смены части речи или порядка слов, которые служат дополнительными методами верификации ошибки. На основе анализа семантики выявлен списочный состав глаголов (50 ед.), формирующих плеонастические коллокации (55 ед.) со всеми формами парадигмы лично-возвратного местоимения *себя*: родительного, винительного, дательного, творительного и предложного падежей (с предлогом или без него). Плеонастическое управление провоцируют преимущественно переходные глаголы со значениями расположения, помещения / перемещения объекта (включения в состав чего-либо или его исключения, соединения, собирания или удаления), а также обладания или получения. В метафорических контекстах с этими глаголами местоимение *себя* также является избыточным. С точки зрения языковой логики, семантики и существующих словарных прескрипций данное явление необходимо кодифицировать как грамматический плеоназм.

Ключевые слова: плеоназм, плеонастическое сочетание, грамматический плеоназм, лично-возвратное местоимение, глагольная семантика, инкорпорированная сема, десемантизация, диспозитивная норма

Для цитирования: Исаченко О. М. Избыточность лично-возвратного местоимения себя: к вопросу о небанальном грамматическом плеоназме // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 131–138. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-131-138>, EDN: KDZQKD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The redundancy of the personal reflexive pronoun *self*: To the question of non-banal grammatical pleonasm

O. M. Isachenko

Novosibirsk State University, 2 Pirogova St., Novosibirsk 630090, Russia

Oksana M. Isachenko, isachenkoo@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8185-7956>

Abstract. The article deals with the case of grammatical pleonasm, which involves the verbalization of the verbal position of the actant or localizer by the case forms of the personal reflexive pronoun *self*, which have a spatial or subject-object meaning. This phenomenon is widespread in modern usage (at least 50 verbs participate in it), in different types of discourse (journalistic, political, advertising, colloquial, literary, educational and scientific), in oral and written speech, but it is not comprehended in terms of “language norm” or “speech error”, although the data of explanatory dictionaries impose a ban on the duplicate use of the pronoun *self* with some verbs. The article proves the deficiency of such combinations based on the semantic analysis of verbs, as well as by means of grammatical transformation – changing the part of speech or word order, which serve as additional methods of error verification. Based on the analysis of semantics, the list of verbs (50 units) that form pleonastic collocations (55 units) with all members of the case paradigm (Genitive, Accusative, Dative, Ablative and Locative with or without a preposition) of the personal reflexive pronoun *self* was revealed. Pleonastic control is provoked mainly by transitive verbs with the meaning of “location” and “placement / movement of an object” (integrating it into something, or excluding it, joining it with something, collecting or eliminating), as well as the meaning of “possessing” or “obtaining”. In metaphorical contexts with these verbs, the pronoun *self* is also redundant. From the point of view of linguistic logic, semantics and existing dictionary stipulations, this phenomenon should be codified as a grammatical pleonasm.

Keywords: pleonasm, pleonastic combination, grammatical pleonasm, personal reflexive pronoun, verbal semantics, incorporated seme, desemantization, dispositive norm

For citation: Isachenko O. M. The redundancy of the personal reflexive pronoun *self*: To the question of non-banal grammatical pleonasm. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 131–138 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-131-138>, EDN: KDZQKD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

*Иногда стоит совершить ошибку
хотя бы ради того, чтобы знать,
почему ее не следовало совершать.*

Конфуций

Плеоназм, будучи «излишеством», которое заключается в семантическом дублировании, не всегда и не всеми оценивается как речевая ошибка. Более того, конструкции, которые нами рассматриваются [1], не попадают в традиционный список плеонастических сочетаний, таких как: *Если человеку хочется запастись продуктами впрок...; ...15-летний школьник по описанным выше причинам насмерть зарезал мать...* [2, с. 374], которым посвящены исследования М. К. Есаковой [3], Т. Г. Зуевой [4], Т. А. Ковалевой [5, 6], Эр. И. Хан-Пиры [7], вероятно, по причине их неочевидной семантической дублетности.

Мы считаем, что «вирус плеоназма» бесконтрольно распространяется на новые участки языковой системы. В частности, в последние 10–15 лет устойчивым стало плеонастическое употребление лично-возвратного местоимения себя (в персональной и предметной референции) в приглагольной постпозиции, что подтверждается материалами собственноручных записей из разных источников и данными Национального корпуса русского языка (ссылки на НКРЯ как на источник контекстов даются в квадратных скобках, остальные – в круглых). Сочетания с местоимением себя встречается в разных типах дискурса, как будто иллюстрируя наблюдения современного писателя: *Со словами в России давно разучились управляться и профессиональные журналисты, и политики, и школьные учителя. Дело здесь не столько в грамотности, о которой так радеют кустарные писатели. Дело – в чувстве языка, которое не позволит использовать слово не по назначению* (А. Матвеева. Вздохнули львы):

– в **публицистическом**: *Партия «Яблоко» исключила из себя... [нескольких человек]* (ТК «Венедиктов», 2020); *Ни один, ни второй не смогли шайбу себе отобрать* (из спорт. комментария о хоккеистах); *Песенка о пьянице Финнегане... становится книгой-палimpseстом, вобравшей в себя все, когда-то написанное, сказанное, прожитое* (М. Шишкин. Больше чем Джойс // Colta.ru, 2019); *Выступление несло в себе несколько сигналов; Учителя несут на себе функции вос-*

питания (А. Орех. Персонально ваш // «Эхо Москвы», 09.2021); *Ученые опасаются, что быстрое разрушение этого ледника может повлечь за собой ускоренное таяние всех прочих* (ТК «Good news», 2019);

– в **политическом**: *Свобода ничего не стоит, если она не включает в себя свободу ошибаться* (Махатма Ганди); *Это неминуемо повлечет за собой политические изменения* (Е. Шульман);

– в **рекламном**: *Мини-клубни [картофеля] – усовершенствованный продукт на рынке садоводства, собравший в себе лучшие качества стандартных сортов («Сады России»); Каждый выпускник НГУ несёт в себе огонёк исследовательского любопытства и популяризации науки* (из анонса недели Дарвина / сайт НГУ);

– в **разговорном**: *Они быстро между собой нашли общий язык; Две квартиры присвоили себе; украл себе деньги;*

– в **художественном**: *...одна отчаявшаяся второклассница вмещает в себе достаточно ненависти, чтобы расфигачить Солнечную систему...* (И. Лукьянова. Стекланный шарик); *Лес сопротивлялся, не впускал в себя, корчил в судорогах и раздирал свою утробу когтистыми лапами;* [Река Иртыш] *воплощала в себе такую природную силу, какая приемлема только в бескрайнем море или в поднебесных горах* (А. Иванов. Тобол. Мало избранных); *...воздух по-июньски остывал, но земля, как полы с подогревом, выпускала из себя тепло* (А. Архангельский. Музей революции); *...старинный рояль... занимал собой почти всю большую комнату; Он просит меня вытянуть обе руки перед собой и внимательно на них смотрит.* (Е. Водолазкин. Брисбен); *...это событие потянуло за собой цепочку следствий* (О. Зайончковский. Счастье возможно); *Аркашон Пушкин тоже не спал в эту ночь, вместившую в себя столько новых переживаний* (А. Матвеева. Есть!); [звезды] *сохранили в себе колдовскую силу; Лепешка содержала в себе тонизирующие вещества* (Е. Гуляковский. Чужие пространства); *Мне остро, яростно захотелось жить. Пить большими глотками осенний воздух, впитывать в себя ароматы леса, земли и неба* (О. Покровская. Одна судьба на двоих);

– в **педагогическом** (методическом): *В последнее время проблемы преподавания лите-*

ратуры в педагогических вузах **привлекают к себе** все больше внимание (Войтоловская Э. Л., Румянцева Э. М. Практические занятия по русской литературе XIX в.);

– в **научном**¹: **Вбирает в себя; впитал в себя** (Н. Н. Рогозная. Билингвизм. Интерязык. Интерференция. Иркутск, 2012); **ФСП заключает в себе** (А. В. Бондарко. Категории в системе функциональной грамматики [9]); **Сложные жанры вбирают в себя простые** (М. М. Бахтин. Проблема речевых жанров); **Вызывая к себе скептическое отношение у одних исследователей, она** [когнитивная лингвистика] **рассматривается другими ... как направление, уже сделавшее немало серьезных открытий** (Е. С. Кубрякова. Еще раз о значении термина «когнитивный» [9]); **Теперь вы в общих чертах представляете себе, насколько велики различия между языками** (В. Плунгян. Почему языки такие разные); **Литературная норма объединяет в себе и языковую традицию, и кодификацию...** (Л. П. Крысин. Языковая норма и речевая практика); **Это позволило сделать вывод о том, что подобные выражения, заключающие в себе элемент речевой избыточности, устоялись в языке и многими воспринимаются как норма** (З. К. Кокенцова, Т. К. Бердалиева, Г. М. Чумбалова. Плеоназмы в медицинской лексике); **Суф. -ть несет в себе грамматическое значение** (из речи студентов²).

К плеоназмам с лично-возвратным местоимением примыкают сочетания, которые входят в метаязык словарного описания и широко используются в практике толкования: *присвоить себе, содержащий в себе, вместивший в себя, представить себе, конкурировать между собой, выделять из себя* [какую-л. влагу] [10] (далее – БТС). Приведенные речевые факты подтверждают выводы А. В. Дегальцевой и О. Б. Сиротининой о том, что «даже в письменных жанрах научной речи встречаются случаи нарушений лексических, грамматических и стилистических норм» [8, с. 6].

¹ Мониторинг современной научной речи, проведенный А. В. Дегальцевой и О. Б. Сиротининой, позволил выявить многочисленные «болевые точки» этого типа дискурса: анахронизмы, нарушенную лексическую сочетаемость (например, при неразборчивом использовании наречия *достаточно*), смешение паронимов, некорректные падежные формы и нелогичный порядок слов, а также немотивированное использование нелитературной лексики [8].

² В устной речи студентов часты факты «нарушения экологии речи» [8, с. 6]: «К сожалению, сегодня студенты и магистранты всё меньше задумываются о соблюдении речевых и языковых норм» [8, с. 4].

Практически все падежные формы *себя*, как «возвратного элемента» [11, с. 59], с предлогом и без, регулярно воспроизводятся при глаголах³ определенной семантики:

– форма Вин. п. **в себя** (с пространственным значением) при глаголах с архисемой ‘состоять из... / содержать’, имеющих типовую семантику ‘располагаться, помещаться где-л.’⁴, в частности глаголы включения объекта в состав чего-л. (*вбирать / вобрать, включать, вмещать / вместить, впитывать / впитать, впускать / впустить* ‘дать проникнуть чему-л.’), помещения в результате перемещения (*всунуть / совать*), разрешения (*впускать / впустить* ‘позволить кому-л. войти, въехать’);

– предложные формы Род. п.:

а) **из / вокруг себя** (в пространственном значении) с глаголами «отторжения», удаления, т. е. перемещения чего-л., освобождения от кого-чего-л. (*выпускать, исключать, источать* ‘издавать, испускать, распространять (свет, запах, влагу и т. п.)’) или, напротив, соединения (*сплотить вокруг себя*);

б) **для себя** (в значении субъекта) с глаголом открытия (*открыть*) в метафорическом употреблении (*Я на этом проекте для себя открыла по-новому*⁵ (Ани Лорак // Голос, 2018)) или закрытия (*закрывать для себя геишталт*);

– форма П. п. **в себе** (преимущественно в пространственном значении⁶) с глаголами расположения чего-л. где-л. (*вмещать / вместить, заключать, содержать, хранить*), объединения / соединения / собирания (*концентрировать, накопить, объединить, собрать, сочетать*), скры-

³ Зафиксирован единственный случай употребления дублирующего возвратного местоимения с наречием: *...теперь он находится у себя дома...* Лексема *дома* включает сему ‘у себя’ (ср: *дома* – ‘1. У себя дома, на своей квартире’ [БТС]). Для описания иных possessивных отношений используются личные местоимения (*у тебя / у них / у вас дома...*). Вероятно, это сочетание восходит к устойчиво воспроизводимой речевой формуле упрека: *как у себя дома*.

⁴ Для семантической классификации предикатов мы опирались на данные «Толкового словаря русских глаголов» [12] (далее – ТСРГ), но корректировали их с учетом актуальных пространственных или других типов значений. Так, многозначные глаголы только в части своих значений могут использоваться в анализируемых плеонастических сочетаниях. Например, глагол закрытия *заключат* (*под стражу*), глагол обеспечения *содержать* (*на попечении*) или глагол профессионально-трудовой деятельности *нести* (*службу*) в таких структурах не отмечены.

⁵ Грамматическая неоформленность реплики не мешает пониманию ее смысла.

⁶ Только в сочетании с глаголом «изображения объекта», шире – «преобразования в реальность» – *воплотить / воплотить* П. п. имеет объектное значение.

вания (*таить, скрывать*), а также перемещения объекта – в прямом или метафорическом смыслах (*нести: несет в / на себе функцию*) и преобразования в реальность (*воплотить / воплощать*);

– предложная форма Тв. п. **собой** (с пространственным или объектным значениями) с глаголами обладания (*найти общий язык между собой, охватить собой, иметь под собой основание*), местоположения, помещения / перемещения объекта (*занимать собой, приносить / приводить с собой, приводить за собой, вытянуть перед собой*⁷; *повлечь за собой*⁸), скрывания (*скрывать за собой / под собой*), противодействия (*конкурировать между собой*) или, напротив, соединения (*путать между собой, объединить собой*) и взаимосвязи (*взаимодействовать между собой, дружить между собой*), а также воображения и предположения (*подразумевать под собой*);

– предложные и беспредложные формы Д. п. **себе** (со значением субъекта-адресата) с глаголами получения в свое распоряжение чего-л. и деятельности по достижению цели (*взять себе, набивать себе карманы, присвоить себе, отобрать (у кого-то) себе, зарабатывать себе на жизнь*), принуждения (*потребовать себе*), перемещения (*привлекать внимание к себе*), а также с глаголом воображения (*представить себе*).

Как видим, семантическая природа этих глаголов, грамматически преимущественно переходных (за исключением *конкурировать, взаимодействовать*) не гомогенна, но очевидна тенденция: к плеонастическому соседству с возвратным местоимением тяготеют глаголы с семой ‘место, расположение’, которая имеет в структуре лексического значения имеет ядерный или периферийный статус. Ее наличие подтверждается данными БТС, эта сема может:

а) выражаться в дефиниции через соответствующие метаслова: *расположить = разместить, поместить, место = пространство, распространиться*, например: *путать* ‘нарушать обычный порядок расположения чего-л.’, *вытянуть* ‘поместить какие-то части тела где-л. или каким-л. образом’; *охватить* ‘З. Распространившись по всей поверхности, заполнить собой; объять (о пламени, темноте и т. п.)’, *скрывать, прятать* ‘помещать кого-, что-л. куда-л., чтобы другие не могли обнаружить, увидеть’;

б) «наводиться» методом ступенчатой идентификации, например:

⁷ Точнее, в ТСРГ – помещение объекта в результате перемещения [12, с. 134].

⁸ По аналогии с *увлечь* – ‘перемещать (переместить) кого-, что-л. за собой силой собственного движения, течением и т. п.’

– *охватить* ‘З. <...> заполнить собой’ → *заполнить = занять* ‘1. Заполнить какое-л. пространство // кому, для кого (в сочет. с сущ. место). Сохранить для кого-л. свободное место (в вагоне, столовой и т. п.)’;

– *накопить* ‘Копя, собрать в каком-л. количестве’ → *собрать* ‘1. кого (что). Объединить в одном месте многих, создав, пригласив и т.п. прийти, приехать и т.п. с какой-л. целью. <...> 2. что. Сложить, поместить в одно место, вместе...’;

– *взаимодействовать* ‘Быть, находиться во взаимной связи с предметами, явлениями, действуя по согласованию’ → *находиться* ‘Располагаться; быть расположенным где-л.’

Плеонастическое употребление *себя* «провоцируется» семантикой глагола, что ярко иллюстрируют глагольные полисеманты. Так, широкозначный глагол *брать / взять* в одних лексико-семантических вариантах (ЛСВ) устойчиво воспроизводится в паре с возвратным местоимением: это значения собирания (И. С. *брал себе много аспирантов* [Воспоминания о Шкловском (1996)]), выбора (*Неудивительно, что он взял себе имя и фамилию величайшего лекаря прошлого* (А. Матвеева. Подожди, я умру – и приду), а также использования, получения в свое пользование, компенсированного приобретения: *Вмешалась Мура: она внимательно прочла бумагу и увидела, что директор Лионского Кредита брал себе 65% горьковских гонораров...* [Н. Берберова. Железная женщина (1978–1980)]; *Наш язык брал себе те слова, которыми называли за рубежом различные предметы, не встречающиеся в нашей стране: фрукты ананас и апельсин, зверя аллигатора, птицу альбатроса* [Л. В. Успенский. Слово о словах (1971)]. А в других ЛСВ позиция *себя* не «предусмотрена» парадигматически и не реализуется синтагматически: это значения прикосновения (*взять с руки кусок сахара*), деятельности по достижению цели (*актер брал талантом*) и приведения в эмоциональное состояние (*ее брали тревога, меня брали сомнения*)⁹.

Анализ лексических значений глаголов, «предрасположенных» к плеонастическому сочетанию с *себя*, позволяет выявить их «магистральную» семантику. Наиболее разнообразны в количественном отношении глаголы помещения / перемещения объекта, выражающие значение включения объекта в состав чего-л. или его исключения из состава, а также расположения где-л., в том числе путем перемещения (*вбирать*,

⁹ Выделенные типы значений именованы в соответствии с классификацией, представленной в ТСРГ.

заключать, включать – исключать, вмещать, впитывать, впускать – выпускать, вытянуть, занимать, нести, повлечь, приводить, приносить, совать, содержать, хранить).

Глаголы этих семантических групп можно дифференцировать по семе 'цель помещения / перемещения': разрешения (впускать); скрывания (таить, скрывать) или открытия (открывать), объединения и собирания (концентрировать, копить, объединять, охватить, путать, собирать, сочетать, сплачивать), получения в распоряжение (взять, иметь, найти, набивать, потребовать, привлекать, присвоить, отобрать, зарабатывать).

Единичными примерами представлена социальная и ментальная сферы: глаголами противодействия и взаимосвязи (антонимичными конкурировать – взаимодействовать) и глаголами ментальной деятельности (подразумевать, представить, воплотить).

Помимо прямых ЛСВ, в процесс семантического дублирования с помощью лично-возвратного местоимения втянуты и метафорические значения глаголов. Так, приставочные глаголы с корнем -влечь- (повлечь, привлечь, увлечь...) описывают «метафорическое перемещение» в ментальной, эмоциональной и социальной сферах, и в таких словоупотреблениях возвратное местоимение используется часто: *привлечь к себе внимание / людей / пациентов...* (реализуется ЛСВ '5. кого-что. Вызвать интерес, возбудить любопытство к себе, заставить обратить на себя внимание', в котором приставка *при-* со значением 'соединенность с чем-л.' направляет «вектор» внимания / заинтересованности / любопытства кого-л. к исполнителю действия; приведенный в словаре пример иллюстрирует самодостаточность глагола: *Новый гость привлёк общее внимание* [БТС]), *увлечь за собой массы / пионеров / последователей...*, *повлечь за собой конфликт / последствия / увольнение / изменения / неприятности* и др. Очевидно, что местоименный актант при глаголах-метафорах усиливает их исходную пространственную семантику, транслируя идею перемещения в разных направлениях: *вслед за кем-, чем-л. или к кому-, чему-л.*, что служит буквализации метафоры, как бы приближает ее к «сфере-источнику» метафоризаторов (например: *лексические единицы несут на себе стилистические оттенки* – невольно вызывает образ носильщика или грузчика с поклажей на спине).

В отличие от разнообразных лексических случаев плеоназма, широко представленных в

лингвистических работах, этот вид плеоназма никак не кодифицирован. Употребление лично-возвратного местоимения отдано на откуп языковому чувству меры носителя языка и допускает варьирование двух видов: с актантом или без него, в разных падежных формах: *скрывать за / под собой, таить в себе / под собой, объединить собой / в себе, представляет собой / из себя, нести в себе / на себе* – они очерчивают невнятные границы диспозитивной нормы. Но вопрос выбора падежной формы вторичен на фоне оценки корректности и целесообразности ее использования.

Для демонстрации семантического удвоения и речевого излишества сложной процедуры не требуется – достаточно семантического анализа компонентов лексического значения глагола, представленного в дефинициях. Например: **включить** '2. кого-что (во что). Ввести, внести **в состав**, в число кого-, чего-л.'

вобрать '1. что. Постепенно принять **в себя**; втянуть (воздух, воду и т.п.). *Растения вобрали всю влагу*;

привлечь '5. кого-что. Вызвать интерес, возбудить любопытство **к себе**, заставить обратить **на себя** внимание. <...> // Расположить **к себе**, возбудить какие-л. положительные чувства';

охватить '5. **Вобрать в себя, в свой состав**, содержание; вовлечь в сферу действия чего-л.'

Наличие возвратного «маркера» в дефиниции – свидетельство его инкорпорированности в структуру лексического значения. Следовательно, его дублирование в высказывании, дополнительная вербализация – очевидная избыточность. Между тем в БТС отражается и, вероятно, нормализуется узус такого дублирования: **вообрать** '2. кого-что (обычно в сочет. со сл. *в себя*). Включить, принять в свой состав; объединить в своём составе кого-, что-л. ...*Экологическое движение вобрало в себя население области*'. «Обычность» не является признанием нормы, хотя приведенный контекст без возвратного местоимения выглядит как языковая девиация.

М. Н. Есакова разграничивает случаи полного и частичного совпадения сем в плеонастических сочетаниях [3, с. 28]. Анализируемый нами случай плеоназма – охват значением глагола значения местоимения, так как оно дублирует «встроенную» в значение глагола сему. Если продемонстрировать такое совпадение – «инклюзивный тип» отношений между словами, то круговая схема Л. Эйлера будет выглядеть следующим образом:

Таким образом, экспликация *себя* при глаголах (нами зафиксировано 50 лексем, без учета видовых коррелятов) определенной семантики (расположения, перемещения (удаления, соединения), обладания / получения и др.), обозначающих действия с участием облигативного локализатора или актанта, с учетом их инкорпорированности в глагольное значение¹⁰, без специального задания или видимой коммуникативной целесообразности¹¹, является **речевой ошибкой**¹², если следовать языковой логике и ориентироваться на «встроенный» «детектор ошибок» [2, с. 370]. Приведенные глагольные «связки» с возвратным элементом (*включать в себя, конкурировать между собой, повлечь за собой, источать из себя* и пр.) – это **грамматический**, точнее – синтаксический, плеоназм (отмечено 55 коллокаций), так как в роли «лишнего» компонента выступает местоимение (указывающее, но не называющее объект, т. е. априори десемантизированная единица языка), которое «падает» в грамматическую зависимость от глагола, диктующего выбор определенной предложной или предложно-падежной формы. На месте нормативно достаточного одиночного глагола возникает избыточное словосочетание (*присвоить* → *присвоить себе, соперничать* → *соперничать между собой, вообразить* → *вообразить себе, воплотить* → *воплотить в себе* и т. п.), которое легко корректируется – механическим удалением лишнего локализатора / актанта, выраженного возвратным местоимением:

¹⁰ Ср.: с тавтологичным и плеонастическим сочетанием *оседлать седлом*, когда инструмент инкорпорирован в семантику глагола [13].

¹¹ Например, в предложении: *Дверь открыла на секунду, впустил в себя шум улицы* (И. Казаков. Девушка за спиной) – локализатор *в себя* необходим, так как указывает на особое пространство направленного движения и приречения звуков – человеческое тело.

¹² Такое «здание» имеется в словарных дефинициях, призванных максимально точно сформулировать значение, например: *сочиться* '2. Испускать, выделять из себя (какую-л. жидкость)' [10]. Очевидно, что падежная форма *из себя* дублирует и усиливает значения глагольных приставок *ис-*, *вы-*.

Начальная школа... вмещала в себя посменно двести учеников (С. Челнокова. От шести до девяти // Школа жизни. Честная книга: любовь – друзья – учителя – жуть (сборник)); *На допросе Арашуков потребовал себе* переводчика с русского (Сенатор без языка. Кто прикрывал спину Арашукова // Национальная служба новостей, 01.2019 /); *Он умело сочетает в себе юмор, талант и профессионализм, что делает его* непременным участником любой успешной комедии (<https://topazcentr.ru>, 12, 2023).

Наблюдение за многочисленными примерами такого плеоназма приводит к мысли о действии закона «масштабирования плеоназма» – ему традиционно сопутствуют другие речевые ошибки, например, в предложении: *И опять всунула себе в уши наушники* (И. Казаков. Девушка за спиной) – плеоназм «усиливается» тавтологией *наушники в уши*, хотя достаточной для передачи смысла является лаконичная фраза: *И опять всунула наушники*. Аналогично: – *Я научу тебя прилично вести себя в светском обществе и смывать за собой в унитазе* (П. Басинский. Полуденный бес).

Дополнительными критериями верификации таких сочетаний как ошибочных могут быть грамматические трансформации – с помощью изменения порядка слов и замены глагола девербативом. Проведенные замены позволяют выявить следующие закономерности:

1) девербатив, который традиционно сохраняет лексические валентности глагола – *ходить в народ / хождение в народ, включить в список / включение в список* (при этом требуется морфологическая «настройка»: *хранить наследие / хранение наследия*), лично-возвратное местоимение *себя* «отторгает» – такие сочетания выглядят искусственными (*конкурировать между собой / *конкуренция между собой*), некорректными и даже невозможными: ...*мононациональный Китай впитывал в себя культуру всех народов* – **впитывание в себя культуры; заказчик присвоил себе права на мультфильм* – **присвоение себе прав; ...гормональная таблетка содержит в себе аналоги женских половых гормонов...* – **содержание в себе аналогов;*

2) актанта способны варьировать по месту расположения «вокруг» глагола, но такие «эксперименты» для лично-возвратного местоимения невозможны: *Огромный зал (в себя?) вбирал (в себя) едва ли не всю праздную толпу Нового Арбата* [Е. Сухов. Делу конец – сроку начало (2007)]; *Его моральный кодекс (в себя?) как бы безоговорочно включал (в себя) все заповеди Ветхого и Нового заветов* [В. Катаев. Алмазный

мой венец (1975–1977)]; Фильм «День нашей жизни» (в себя?) **вмещал (в себя)** десятки эпизодов, снятых в разных концах страны, даже мира [Г. Шергова. ...Об известных всем (2002–2004)]. Предложения с местоименной формой в отрыве от глагола звучат нелепо: *Фильм в себя **вмещал** десятки эпизодов; **десятки эпизодов вмещал** фильм в себя. Вероятно, это доказательство «перемены грамматической участи» форм лично-возвратного местоимения – их превращения в клитики (или «тяготения к клитическому употреблению» [14, с. 224]), особенно на фоне естественной десемантизации.

Представленный тип плеоназма, безусловно, имеет парадигматические, стилистические или дискурсивные «мотивы», которые требуют дополнительного анализа и осмысления. Тем не менее, бесспорным является необходимость кодификации данного явления, его нормативной оценки в рамках современной культуры речи и лингвоэкологии¹³, так как плеонастические дублеты с участием местоимения *себя* представляют собой речевой мусор. По нашим наблюдениям, описанная ошибка имеет широкое распространение, о чем свидетельствуют многочисленные речевые факты (узус) из разных типов дискурса, и формирует тенденцию, которая противоречит хотя и неявным, но все-таки нормативным предписаниям, которые легко извлекаются из данных толкового словаря.

Мы согласны с тем, что «кодификация не всемогуща: с одной стороны, слишком мало людей к ней обращаются, и с другой – она вынуждена меняться примерно каждые 10 лет из-за смены поколений и норм» [16, с. 52]. И совершенно очевидно, что в сфере грамматического плеоназма дескриптивное (как говорят и пишут, как принято говорить) противоречит «прескриптивному» (как надо, как правильно), если использовать терминологическую дихотомию Э. Косериу [17]. Невозможно не признать правоту Л. П. Крысина, который считает, что «речевая деятельность носителя литературного языка протекает в постоянном (но при этом обычно не осознаваемом) согласовании своих коммуникативных действий с возможностями системы, с традиционными способами использования языковых средств и с тем, что предписывают словари и грамматики» [18, с. 14]. В отношении грамматического плеоназма прескрипции скорее относятся к области нестрогого запрета и в

информативном нарративе представляют рекомендации его по возможности не употреблять.

В. Г. Костомаров считает, что при оценке нормативных явлений важна гармония языковой и речевой системы, без главенства коммуникативной целесообразности, которой можно оправдать любые просчеты, дефекты и ошибки: «Если нормальное развитие нормы обеспечивается равнодействием сохранности традиции и коммуникативной целесообразности, то сегодня влияние первой ослаблено, а вторая преувеличена и часто понимается искаженно» [19, с. 299]. А. В. Дегальцева и О. Б. Сиротинина обоснованно полагают, что в начале XXI в. «отношение говорящего или пишущего к норме меняется», она «отходит на второй план: в сознании носителей языка уделяется всё меньше внимания форме выражения мысли» [2, с. 370]. На этом в целом неблагоприятном фоне нельзя забывать о том, что «нормативность речи зависит от осознанного отношения каждого из нас к своей речи» [2, с. 376], даже в таких «мелочах», как грамматический плеоназм.

Список литературы

1. Исаченко О. М. Неочевидный плеоназм, или Держать «себя» в руках // Речевая коммуникация в современной России : тезисы докладов VI Международ. науч. конф. (Омск, 27–30 сентября 2021 г.) / отв. ред. О. С. Иссерс. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2021. С. 29–31.
2. Дегальцева А. В., Сиротинина О. Б. К проблеме изменения норм современного русского языка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 368–376. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-368-376>, EDN: VUIWGO
3. Есакова М. Н. Плеоназм как явление речевой избыточности // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2012. № 2. С. 24–31.
4. Зуева Т. Г. Формы речевой избыточности в речи теле- и радиожурналистов // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, 2010. № 57. С. 42–44.
5. Ковалева Т. А. К вопросу о типологическом своеобразии плеоназмов в русском языке в XXI веке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (87). С. 98–101.
6. Ковалева Т. А. Плеоназм в русском языке XXI века: семантический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 4. С. 158–163.
7. Эр. И. Хан-Пура. Плеоназм и тавтология. Разные судьбы плеоназмов // Русский язык. 2003. № 14. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200301409> (дата обращения: 21.07.2023).

¹³ А. П. Сквородников определяет лингвоэкологию как область, связанную с изучением «проблематики норм и компетенций речевого общения в их совокупности» [15, с. 15].

8. Дегальцева А. В., Сиротинина О. Б. Проблемы экологии современной научной речи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 4–10. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-4-10>, EDN: GMKWEJ
9. Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста : сб. ст. к юбилею Г. А. Золотовой / сост. Н. К. Онипенко. М. : Эдиториал УРСС, 2002. 512 с.
10. Кузнецов С. А. Современный толковый словарь русского языка. М. : Норинт, 2008. 1536 с.
11. Адамец П. Субъектность и возвратность // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста : сб. ст. к юбилею Г. А. Золотовой / сост. Н. К. Онипенко. М. : Эдиториал УРСС, 2002. С. 59–63.
12. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М. : AST-Press, 1999. 694 с.
13. Мухачёва И. В. Проблема выражения инкорпорированных актантов на синтаксическом уровне (на примере конструкций типа *оседлать лошадь богатым седлом*) // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвященной 95-летию А. Ф. Прияткиной / отв. ред. : Е. С. Шереметьева [и др.]. Владивосток : Изд-во Дальневосточного федер. ун-та, 2021. С. 169–174.
14. Богданова-Бегларян Н. В. Структура диалога при передаче чужой речи в русском повседневном дискурсе // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвященной 95-летию А. Ф. Прияткиной / отв. ред.: Е. С. Шереметьева [и др.]. Владивосток : Изд-во Дальневосточного федер. ун-та, 2021. С. 218–225.
15. Сквородников А. П. Экология русского языка. Красноярск : Изд-во Сибирского федер. ун-та, 2016. 388 с.
16. Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы ее достижения / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : ИЦ «Наука», 2021. 256 с.
17. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (Проблема языкового измерения) // Новое в лингвистике : сб. ст. / пер. с англ и фр. Вып. 3. М. : Изд-во иностранной литературы, 1963. С. 143–343.
18. Крысин Л. П. Языковая норма и речевая практика // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика : сб. материалов II Междунар. науч. конф. / гл. ред. К. В. Анисимов. Красноярск : Изд-во Сибирского федер. ун-та, 2007. С. 9–14.
19. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. 3-е изд. испр. и доп. СПб. : Златоуст, 1999. 320 с.

Поступила в редакцию 11.08.2023; одобрена после рецензирования: 29.10.2023; принята к публикации 05.02.2024
The article was submitted 11.08.2023; approved after reviewing: 29.10.2023; accepted for publication 05.02.2024